

УДК 811.119

Нижникова Л. В.

ПИСЬМО КАК ТЕКСТ: ПИСЬМА ХЕМИНГУЭЯ В ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена исследованию письма как типа текста с позиций прагмалингвистики, с одной стороны, так как адресат выступает основным фактором языкового оформления письма, и лингвистики текста – с другой стороны, так как каждое письмо – это завершённый, специфически структурированный текст.

Ключевые слова: прагмалингвистика, лингвистика, фактор адресата, языковое оформление, контактная рама.

Нижникова Л. В. Лист як тип тексту: листи Е. Хемінгуея в оригіналі та перекладі. – Стаття.

Стаття присвячена дослідженню листа як типу тексту з позиції прагматичної лінгвістики, з одного боку, оскільки адресат виступає основним фактором мовного оформлення листа, і лінгвістики тексту – з іншого боку, оскільки кожний лист – це завершений, специфічний і структурований текст.

Ключевые слова: прагмалінгвістика, лінгвістика, фактор адресату, мовне оформлення, контактна рама.

Nizhnikova L. V. Letter as a text. – Article.

The given article deals with the investigation of letter as a text from two positions: from the position of pragmatic linguistics as an addressee is the main factor of language formalization of a letter and from the position of linguistics as every letter is a completed text of a specific structure.

Key words: pragmatic linguistics, factor of addressee, language formalization, contact frame.

В данной статье письмо исследуется с позиции фактора адресата – основного фактора формирующего языковые показатели письма и с позиции лингвистики текста, т.к. письмо – это завершённый, специфически структурированный текст, имеющий все основные категориальные признаки, свойственные тексту вообще и в то же время обладающий только ему присущими структурно-сематическими особенностями.

Практически полное отсутствие исследований в избранной области, нетрадиционность подхода обеспечивает актуальность данной статьи.

Так как эпистолярный текст не имеет однозначной функционально-стилевой прикреплённости и обнаруживается во всех речевых регистрах, в статье целенаправленно прослеживается его проникновение во все функциональные стили и даётся его четкая квалификация в этой связи.

Важность фактора речевой направленности, или фактора адресата, который наряду с другими экстралингвистическими факторами обуславливает коммуникативную природу любого речевого произведения, признаётся многими лингвистами [1; 2; 3; 4] и учитывалась при написании писем ещё в античные времена. Поэтому задачей данной статьи является также показать, что между формой и содержанием текста, с одной стороны, и адресатом, с другой, существует жёсткая корреляция: содержательная структура письма, его композиция, оформление контактной рамы, лексическое наполнение и синтаксис текста – всё это определяется отнесённостью к определённому адресату.

Действительно, письмо как тип текста сравнительно редко становится объектом филологического анализа, несмотря на древность происхождения, многофункциональность и включённость во все сферы человеческой коммуникации. При этом практические пособия по написанию писем самой разнообразной целевой направленности существовали ещё в античные времена и до сих пор пользуются популярностью [5; 8; 9; 10]. Неработанность проблемы эпистолярного текста отражается в нечёткости его функционально-стилистической квалификации: в зависимости от направления и материала исследования письмо рассматривают как принадлежность разных функциональных стилей (официально-делового, научного, публицистического), разных типов литературы (документальной, мемуарной, испо-

ведальной), как письменную форму бытовой речи, как основу эпистолярного стиля – особой разновидности художественной литературы. Самое парадоксальное в этом квалификационном разное заключается в том, что каждый – автор прав, разночтения же вызваны не ложностью одних выводов и справедливостью других, а различием исследуемого материала. Действительно, письма составляют значительный корпус текстов официально-делового стиля, немало их и в составе произведений публицистического стиля – особенно в периоды крупных национальных и социальных событий (война, революция, политический кризис); широко известны также научные послания (обсуждающие вопросы философии, политической экономии, истории, естественных и точных наук) выдающихся мыслителей и учёных всех времён и народов; эпистолярный роман – роман в форме писем – занял прочное место в истории художественной литературы. Иными словами, письмо как тип текста обнаруживается в рамках всех функциональных стилей и в каждом из них своей формально-содержательной структурой соответствует его основным параметрам.

Поэтому наиболее целесообразно, по-видимому, квалифицировать письмо как единицу эпистолярного жанра, единственного в своём роде, имеющего сквозной, проникающий характер, представленного во всех функциональных стилях. Дифференциальные признаки жанра письма маркируют его функционально-стилистическую принадлежность и соответствуют основным показателям каждого данного стиля. Интегральные признаки жанра обеспечивают его единство при всем стилевом многообразии конкретных эпистолярных текстов и его выделяемость из прочих жанров письменной речи. Определение признака как интегрального или дифференциального, как известно, зависит от уровня анализа объекта: интегральный на более низком уровне обобщения (сложности), он становится дифференциальным на более высоком. Это положение справедливо и в нашем случае: признаки, объединяющие все эпистолярные тексты в один жанр, являющиеся интегральными в его пределах, на более высоком уровне, при сопоставлении с другими жанрами, служат для различения письма, отмежевания его от других текстов, т.е. при жанровой стратификации письменной речи выступают в роли различительных, дифференци-

альных. Они являются постоянными, обязательными, и как таковые обнаруживаются в каждом отдельном письме. К их числу, в функциональном плане, относится эксплицитно выраженная контактоустанавливающая (фатическая) функция, выполнение которой в структурно-семантическом плане обеспечивается прежде всего **контактной рамой письма**, идентифицирующей обоих коммуникантов, их ролевые позиции в данном акте коммуникации и возможную направленность их взаимоотношений до него; однозначно устанавливающей пространственно-временные параметры создания (порождения) данного текста.

Импульсом к порождению письма является ситуация, в которой прямо или косвенно участвовали или продолжают участвовать оба коммуниканта, т.е. в дополнение к фонду пресуппозиций, общему для данного социума, письмо исходит и из общего опыта коммуникантов относительно конкретной ситуации, отражаемой в письме, что находит своё выражение в специальных, характерных для эпистолярного текста отсылках.

Отдельно взятое письмо можно рассматривать как реплику диалога, рассчитанную на ответную реакцию партнера, а обмен письмами – как диалогическую ситуацию с постоянной сменой ролей адресанта и адресата: первый становится вторым и наоборот. Поскольку дистанционность коммуникантов онтологически включена в эпистолярный коммуникативный акт, разрыв во времени и пространстве между отправлением письменного сообщения из одного адреса и его получением в другом обуславливает обязательное отставание ответной реплики от стимулировавшего ее запроса. Ответ, который приходит отправителю письма, вдвойне отдален от запроса, ибо включает время прохождения инициального письма от адресанта к адресату и ответного обратно. Чем значительнее разрыв между отправлением стимула и получением на него реакции, тем большее количество событий включается в этот промежуток, тем меньше соответствие между коммуникативными условиями порождения эпистолярного текста отправителем и его же восприятия ответа-реакции на своё письмо. Увеличение указанного разрыва возможно лишь до определенного порога, за которым прагматическая значимость эпистолярной коммуникации сводится к нулю.

При том, что каждый текст ориентирован на определённого получателя, только письмо предполагает обратную связь в аналогичной форме, что зафиксировано в весьма развернутой системе лексико-грамматических средств.

В связи с обязательной заявленностью автора в письме всегда эксплицитно выражены текстовые категории субъективной модальности и антропоцентричности. Письмо является единственным типом текста, в котором всегда находят своё местоименно-номативное обозначение оба антропоцентра – отправитель текста и его адресат. Специфика антропоцентров эпистолярного текста заключается также в их способности выступать в качестве условных коммуникантов, что наиболее характерно для деловой переписки.

Сравнительно малый объём письма ограничивает выражение категории членности элементарным архитектурным уровнем – членением на абзацы. Обладая средствами реализации всех текстовых категорий, письмо при этом представляет собой единственный тип письменного текста, которому, вне зависимости от функционально-стилевой принадлежности, не свойственен заголовок.

Принадлежность каждого отдельного письма к определённому функциональному стилю и необходимость отражения в тексте именно данных стилистических черт, с одной стороны, а также обязательность репрезентации в нём характеристик эпистолярного жанра, с другой, приводят к сложному характеру выражения категории системности в письме.

Последняя осложняется ещё более, если анализу подвергается эпистолярное наследие одного автора: к функционально-стилевым и жанровым особенностям прибавляются индивидуально авторские. Количественно-качественное своеобразие их взаимодействия и определяет специфику каждого конкретного письма. Так, в деловой корреспонденции жёсткая регламентированность официально-делового стиля оказывается ведущей в этой триаде, ограничивая жанровые показатели и практически полностью снимая индивидуально-авторские. И наоборот, частная переписка в максимальной степени отражает именно последние.

Перед исследователем письма как типа текста, таким образом, стоит особо трудная задача определения роли, места и принадлежности обнаруженных свойств, без чего создание типологии эпистолярных текстов невозможно. Особый интерес в этом смысле представляют собрания писем выдающихся деятелей науки, культуры, литературы. Одним из доказательств их высокой познавательной и эстетической ценности служит тот факт, что переписка автора не только включается в собрания его сочинений на родном языке, но и переводится, наряду с его произведениями, на иностранные. Оригиналы и переводы писем одного из таких крупных представителей мировой литературы XX века – Эрнеста Хемингуэя – послужили материалом предлагаемой статьи.

По оценкам специалистов, Хемингуэй написал около 7000 писем, не считая многочисленных телеграмм, предвосхищавших получение адресатом более развёрнутого сообщения. Его первые сохранившиеся послания (к родителям и сестре) написаны в девятилетнем возрасте. В завещании, составленном за 3 года до смерти, писатель запретил публикацию своих писем из опасения нанести ущерб кому-либо из лиц, широко упоминавшихся в его частной переписке. Однако даже при жизни Хемингуэя разные периодические издания, с его согласия, публиковали отдельные письма, затем некоторая часть их появилась в книге воспоминаний его последней жены Мэри Уэлш «Как это было» и, наконец, через 18 лет после смерти писателя, в 1979 году, она принимает решение о публикации писем мужа.

Всего для первой научной публикации, снабжённой комментариями и отсылками, Карлос Бейкер, исследователь и биограф Хемингуэя, отобрал около 600 писем [7], что составило менее одной десятой всего эпистолярного наследия. Именно они, по мнению составителя издания, в наибольшей степени отражают специфику Хемингуэевского письма. Некоторую часть своей переписки Хемингуэй уничтожил. Основная же её часть – в разных объемах – является собственностью более, чем сотни частных и университетских библиотек.

По свидетельству самого писателя, «письмописание» было обязательной и неотъемлемой частью его существования, помогавшей ему не только общаться со своими многочисленными корреспондентами, но и выливать на бумагу «то, что накопилось в душе и в голове и что не отшлифовано для рассказа». Он писал много и быстро, постоянно извиняясь за огрехи в стиле и орфографии, поддерживая тот тон общения, который установился у него с каждым определённым адресатом.

Выше упоминалось, что функционально-стилистическая специфика эпистолярного текста определяется ролевой принадлежностью адресата – тем, выступает он в качестве должностного или частного лица. Поскольку вся переписка Э. Хемингуэя, представленная в «Избранных письмах 1917–1961 годов», является частной, принадлежит одному автору и, следовательно, отражает мировосприятие и поведенческие реакции одной психофизической личности, можно предположить, что все рассматриваемые тексты отличаются стилистической однородностью. Однако это не так. Они существенно различаются по форме. Их стилистическая окраска (тональность) не зависит от развиваемой темы, но полностью определяется адресатом. Так, например, обсуждение литературных проблем осуществляется в академическом тоне в письмах к Гертруде Стайн или Алис Б. Токлас, в сниженном – к Эзре Паунду или Арчибальду Маклишу, в общеразговорном – к Максвеллу Перкинсу или Артуру Майзенеру. Данное обстоятельство подтверждает, что формально-содержательная структура письма полностью зависит от ролевых отношений, в которых состояли коммуниканты. Изменение отношений влечёт за собой обязательное изменение эпистолярного текста.

Первым знаком, устанавливающим положение коммуникантов на шкале близости/отдаленности и в определённой степени лимитирующим набор возможных способов развёртывания письма, является левая часть контактной рамы – обращение к адресату. Наиболее официальное из них Dear Mr. (Miss) + фамилия (Dear Miss Stein, Dear Mr. Liveright, Dear Mr. Wilson и т.п.). Такая форма установления контакта предполагает профессионально-деловую тематику письма, в свою очередь обуславливающую использование нейтрально-литературной и общеразговорной лексики, включение антропонимов по принципу их принадлежности к профессиональной сфере – в данном случае это имена критиков, издателей, литераторов.

На другом конце шкалы находятся обращения с превосходной степенью прилагательного Dear (Dearest Hadley, My Dearest) и с уменьшительной формой личного имени или его заменой на домашне-ласкательное (My dearest Pickle, Dearest Kitten Pickle – Мэри Уэлш, Dearest Mousie – сыну Патрику). В этих письмах преобладает событийно-бытовая тематика, в изложении много юмора, откровенного выражения эмоций.

Между концами шкалы располагается наиболее обширная группа обращений, где к относительно официальному Dear присоединяются уменьшительные формы собственных имён (Dear Mike, Dear Max) или их шуточные замены (например, к Эзре Паунду: Dear Duce, Dear Prometheus). Тематически они чрезвычайно пестры, что объясняет вариативность их лексического состава, стилистическую в том числе. Здесь тоже много юмора, даже дурашливости, экспериментирования со словами.

В связи с линейным развёртыванием текста характер отношений участников эпистолярного коммуникативного акта, который задаётся в обращении автора письма, самого автора сначала не называет, но эксплицируется через обозначение адресата, в левой части контактной рамы. Только после завершения текста, в закрывающей его правой части контактной рамы, через формулу признания своего авторства, адресант подтверждает степень близости/отдалённости отношений, заданных в обращении.

По-видимому, можно утверждать, что письмо является единственным типом текста, язык которого пол-

ностью определяется отношениями коммуникантов. Даже идентичное или соотносительное содержание разных писем, исходящих от одного адресанта, но направленных разным получателям, оформляется разным способом.

Рассмотрение переписки одного автора показывает также, что актуализация отдельных текстовых категорий и выполнение письмом отдельных функций, несомненно, задаваемых автором, зависит тоже в первую очередь от адресата.

Возвращаясь к идентификации автора письма, осуществляемой в правой части контактной рамы, в её представленности в переписке Хемингуэя, отметим, что она, как и следовало ожидать, состоит в корреляции с характером обращения и тоже отражает три типа отношений между писателем и адресатом: деловые, дружеские, интимные. В первом случае вариативность формулы подписания письма незначительна, осуществляется исключительно за счёт её начала и происходит в рамках имеющегося набора эпистолярных клише: yours sincerely, yours always, yours truly и под. Собственно подпись неизменна: это всегда Ernest Hemingway.

Письма дружеские и интимные, при всём разнообразии имеющихся в них заключительных формул, всё же показывают некоторые закономерности. Первая из них – это несомненная тенденция к использованию шутовой подписи (прозвища): Wemedge; Pappy; Pop II; Hem; Hemmy; Stein; Hemmingstein; Hem Hollow Bone Stein и т.п. Вторая – наличие определённой стабильности в подписях к (относительно) постоянным корреспондентам. Например, письма к Максвеллу Перкинсу и Чарльзу Скрибнеру всегда подписываются просто Ernest; Лилиан Росс и Адриане Иванчич – Mister Papa; Арчибальду Маклишу – Pappy; сыну Патрику – Papa и т.д. И, наконец, третья – это широкая вариативность формул заверения, от незначительного варьирования в пределах имеющихся клише (Best to you always; Take care and good luck; Yours in prickly heat; So long; Dos) до развёрнутого на 1-3 строки эмоционального признания (...take good care of yourself and accept the obedient devotion of your Taty; ...much love and know I'm not impatient, I'm just desperate, E.H.).

Разнообразие формульных зачинов/концовок, неоднородность лексического состава, резкие перепады стилистической тональности, обнаруживаемые в эпистолярном наследии одного автора, могут привести к предположению, что собрание писем лишено того стилистического единства, которое характеризует собрание сочинений. Подобное предположение в определённой мере справедливо: художественное произведение отражает типизированное событие и обращается к обобщённому адресату, тогда как письмо привязано к конкретной ситуации и адресовано конкретному реципиенту. Несколько упрощая положение, можно сказать, что коллективный адресат художественных произведений одного автора примерно неизменен, тогда как единичные адресаты писем множественны по своему составу и характеру и требуют разных регистров коммуникации. Иными словами, отношения автора/реципиента, определяющие внутреннее стилистическое расслоение переписки, ответственны и за ослабление выраженности в ней общих характеристик авторского идиолекта. Подобному ослаблению способствует и сравнительно малый объём письма: системность идиолекта, тот особый характер взаимосвязи и взаимообусловленности отдельных черт индивидуальной речи, который позволяет идентифицировать одного автора в разных речевых

произведениях, требует для своего проявления больших объёмов, чем тот, которым располагает усреднённый эпистолярный текст.

Тем не менее, письма несут на себе печать авторского индивидуального стиля, особенно очевидную именно при анализе их собрания. Она помогает преодолеть влияние малого объёма, ибо представляет письма в их совокупности, как своего рода протяжённый цикл, элементы которого взаимодополняют друг друга. Она показывает повторяемость ряда направлений переписки (тематических, стилистических), связанную с неизменностью ряда адресатов, т.е. позволяет говорить о наличии некоторых формально-содержательных единств внутри переписки. Опять же, очень схематизируя ситуацию, их можно уподобить разным речевым партиям и сюжетным линиям, представленным в одном крупном художественном произведении. Собрание писем, наконец, демонстрирует несомненную приверженность автора к определённым темам, которые соотносительны со сквозными тематическими повторами художественной прозы.

Таким образом, если в отдельно взятом письме индивидуально-стилевые черты могут и не обнаружиться, то собрание писем выявляет их с неоспоримой доказательностью. Рассредоточенные во времени письма, естественно отражая эволюцию отношений между корреспондентами, также естественно отражают и эволюцию пишущего, не отделимую от эволюции его творческой деятельности.

Конечно, между Хемингуэем – всемирно известным автором новелл и романов и Хемингуэем – автором «Избранных писем» нельзя поставить знак равенства, ибо в первых он заявлен как компонент образной системы произведения, как образ автора, как построение, идеализированное и абстрагированное от той человеческой данности, которая предстаёт в письмах, написанных от собственного имени не обобщенной, а сугубо конкретной личности. Именно в этом последнем проявляется их непреходящая ценность для реконструкции писательского истинного лица, для восстановления биографии его души, для выявления нравственного климата его эпохи.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типология адресованности в текстах эпистолярного языка / Н.Д. Арутюнова // Человеческий фактор в языке.
2. Белукова Н.И. Роль адресата в организации текста дружеского письма / Н.И. Белукова // Языкознание. – 2015.
3. Кожеко А.В. Эпистолярные жанры: традиционные и современные / А.В. Кожеко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.science-education.ru/ru/article/view?id=23775.
4. Кожина М. Коллектив авторов. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / М. Кожина [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://books.google.com.ua/books/ISBN=5457437183>.
5. Смирнова М.С. Составление деловых писем / М.С. Смирнова. – М., 1962. – 182 с.
6. Фуэнтес Н. Хемингуэй на Кубе Н. Фуэнтес. – М., 1988. – 446 с.
7. Baker C., ed. E. Hemingway: Selected Letters 1917–1961. London, New York, 1981. – 948 p.
8. Effective writing. Study guide. – Washington, 1975. – 106 p.
9. McGrimmon J. Writing with a purpose. – Boston, 1976. – 501 p.
10. Routledge's complete letter writer. – London, 1961. – 262 p.